

ТЫ ГДЕ?

Ты не знаешь, откуда, зачем и куда полетел, иноходца гоня.

Это если возникла ночная звезда посреди бела дня.

Ты барахтаешься на звезде ледяной, в полынье, на полярной звезде.

Это если к тебе позвонили домой и спросили: ты где?

Я-то дома, а ты? В ледяной полынье вся Москва ползимы провела.

Полнолунному небу хватило вполне хрусталя и стекла.

Мировое пространство свелось к потолку. На дурацкий проклятый вопрос идиот идиоту, слабак слабаку отвечать не дорос.

Едоку не хватило цыплят табака, первача – алконавту, а мне – запорожского сотника и чумака в отдалённой роде.

Не на хлебе возрос, в основном – на воде, соответственно – на лебеде, на великой отечественной лебеде, на нигде и везде.

ЛАТЫНЬ

Не случилось, однако, на теме постельной задержаться с поличным – не пришлось поваляться на койке отдельной в коридоре больничном.

Отыскалась возможность пристроиться как-то в пятиместной палате, где стонали о вечности жертвы инфаркта, о грехах и расплате.

Никому не хотелось убраться до срока с Божьих глаз, несмотря на ошивание в обществе сбоку припёка, а за край – ещё рано.

А отсюда туда ещё рано, сестрица, и за что, если честно?

Будет время – наскучит мелькать и светиться, а сейчас – интересно.

Никому, никому не хотелось нисколько ни *memento*, ни *more*, и пускай поскучает отдельная койка

в ледяном коридоре.
Никому не хотелось, родная сестрица,
кукованья на льдине,
но пришлось причаститься при помощи шприца
к эскулапской латыни.

ГАДАНИЕ

Не цыганка она – сербиянка,
но глаза та и, в общем, черна,
и как раз на пороге сбербанка
из метро выплывает она,
и за то, что до библиотеки
ты подсказешь ей правильный путь,
всё увидит сквозь синие веки
про тебя, не успев обмануть.

Не цыганка, и выглядит просто
сербиянка в тяжёлых серьгах,
и сказала, что до девяноста
на своих ты пребудешь ногах.
Остальное – вполне без обмана:
и про дом, где разору сдалась,
и про то, что надежда туманна,
и про то, что с потерей сжилась.

Ничего не сказала про мужа,
про его никакие дела,
но стояла ты так, чтобы лужа
между вами на случай была.
Небо веет синичьим сопрано,
ветер воет контральто густым,
старый серб и его обезьяна
превратились в эпический дым.

Разразится бомбежка Белграда,
станут явью кромешные сны,
и ни ода уже, ни баллада
никому на земле не нужны.
Будет случай, достаточно веский,
попенять на доверчивость, но
у читалки пророк Достоевский
ждал гадалку довольно давно.

* * *

Дуб по имени Филимон посреди безымянной флоры,
посреди безымянной флоры дуб по имени Филимон.
Он единственный старожил – проходимцы, фигляры, воры,
финансисты, гипнотизёры напирают со всех сторон.
Уроженец, абориген, не захватчик и не лимитчик,
не хомячит куски халявы, не добытчик и не купец,
не выдумывает родни, с документами не химичит,
не накручивает на спиле не своих годовых колец.

Происходит вокруг него вечный тендер, сплошное ралли,
тени предков идут по небу, седина кучевых бород,
горы праха в его корнях, в чёрных дуплах его застряли
Тохтамыш или князь Пожарский, проскочившие Крымский брод.
Самозванцы, герои дня засветились, погасли, сдулись,
где, листвою заглушив перуны, обретается испокон
дуб по имени Филимон посреди улетевших улиц –
улетевших столбами пыли – дуб по имени Филимон.